

Категория памяти в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Бондарчук Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных систем и права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева. Россия, г. Самара.

ORCID: 0000-0002-1021-5684. E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении способов экспликации проблемы памяти в поэтике «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Актуальность исследования связана с тем, что категория памяти и проблематика, связанная с ней, несмотря на центральное положение, представляет собой малоосвоенный аспект поэтики романа «Братья Карамазовы». Предметом исследования является глава «В лакейской» (ч. I, кн. III «Сладострастники»), имеющая экспозиционный характер, раскрывающая один из аспектов предыстории романских событий, который связан с второстепенным героем – Григорием Кутузовым. Научная новизна состоит в выявлении соотношений между свойствами памяти и художественными способами (средствами) их выражения. Основное внимание автор статьи сосредотачивает на ряде художественных приемов, которые репрезентируют категорию памяти и раскрывают авторское сознание. Рассматривается: а) инверсия как способ развертки временных смыслов, основанный на нарушении привычного порядка вещей, создающий эффект смены перспективы в повествовании (от конкретного к абстрактному, от бытового к бытийному), раскрывающий авторскую игру; б) антитеза как способ усиления напряженности, которая снимается возможностью дальнейшего движения; в) диалог как прием драматургической техники Ф. М. Достоевского; г) предмет-символ, создающий «ценностное уплотнение мира» вокруг героя, выполняющий роль смыслового контрапункта и реперной точки в движении сюжета. Установлено, что поэтическая закономерность, действие которой выражается в диалектическом свертывании и развертывании художественных смыслов, является одним из способов раскрытия многомерности поэтики романа «Братья Карамазовы». Результаты исследования могут быть использованы на спецкурсе, посвященном изучению творчества Ф. М. Достоевского, в высших учебных заведениях, а также при анализе художественных текстов, имеющих сложную поэтику.

Ключевые слова: инверсия, антитеза, предмет-символ, книга, память, поэтика, сакральное, профанное.

Несмотря на колоссальное количество публикаций, истолковывающих идейно-художественное своеобразие романа «Братья Карамазовы» (далее – БК), многое в его поэтике по-прежнему остается в зоне эстетически непроявленного. «Чем более масштабна авторская индивидуальность писателя, тем более сокровенную тайну содержит в себе его творческое наследие и тем больше вопросов ставит она перед читателями и исследователями» [3; 13]. Таким малоосвоенным аспектом БК является проблематика, связанная с категорией памяти, которая, как ни парадоксально, является центральной в романе. Категория памяти не только тесно связана со всеми элементами поэтики, формирующими систему эстетически действенных свойств произведения, но во многом определяет их содержание. В этой связи изучение экспликации памяти в поэтике романа Ф. М. Достоевского является актуальной целью.

Материалом для исследования послужила глава «В лакейской» книги третьей «Сладострастники» романа БК. Ее содержание имеет экспозиционный характер, отсылает к предыстории, к временам, в которых содержатся явные и неявные причины событий, свершившихся впоследствии. Совокупность бытовых подробностей, которые извлекает из своей памяти повествователь, претерпевает трансформацию и приобретает метафизическое значение, формируя контуры памяти автора.

Теоретическую базу исследования составили труды по семиотике Ю. М. Лотмана, Н. Г. Брагиной, по когнитивной лингвистике – труды Е. С. Кубряковой, по структурно-семиотической теории – труды Е. Фарина, М. В. Лисник, по достоевистике – труды Р. Л. Бэлнепа, Г. Я. Галаган, Т. А. Касаткиной, С. А. Скуридиной, Д. Э. Томпсон. В исследовании художественного текста применен структурно-семиотический метод.

С точки зрения Д. Э. Томпсон, категория памяти присутствует в поэтике БК даже в большей степени, чем в других романах Ф. М. Достоевского и характеризуется «всеохватно-

стью». Во-первых, категория памяти «синтезирует основные темы романа», определяя идейное содержание, во-вторых, память присутствует как тема – о ней рассуждают два главных героя Зосима и Алеша, и, наконец, в-третьих, категория памяти оказала влияние на форму произведения – роман первоначально был задуман как вымышленные мемуары, в которых должен был воплотиться целый комплекс разнообразного оставшегося в памяти автора материала [18, с. 35]. Такое генерализующее свойство памяти – следствие специфичного «порождающего механизма» ее деятельности (Ю. М. Лотман, Е. С. Кубрякова), в результате чего возникают, «генерируются» разнообразные смысловые «развертки» (метафоры) [12, с. 90]. Причем логика их возникновения далеко не всегда ясна и прозрачна, отмечает Л. М. Бондарева, развивая идею Е. С. Кубряковой, и следовательно, трудно поддается объяснению, создавая, таким образом, представление «о работе в сознании человека неких таинственных иррациональных сил, которые действуют по своим собственным законам и отличаются крайней произвольностью, зыбкостью и обманчивостью» [2, с. 21]. С другой стороны, Н. Г. Брагина утверждает, что «слово-конструкт «память» относится к «идеальному лексикону», «к гипотезированному» [9, с. 182] или платоновскому языку. В отношении таких слов уместен вопрос: Что есть Р? Например, Что есть вечность / память / красота? Этот вопрос провоцирует множественность ответов, которые могут иметь формат дефиниций, интерпретаций, рассуждений, описаний, диалогов между философами по образованию и/или по велению души и т. д. Циклическое возобновление вопроса: Что есть Р? удовлетворяет «потребность в трансцендентном» [4, с. 20; 6, с. 425–426]. Таким образом, память осуществляет бесконечно разнообразное продуцирование, трансформацию разноуровневых смыслов (через метаморфозу, синтез и распад), формирование доминант и периферийных слоев. В этой связи можно выделить несколько ключевых характеристик, которые присущи памяти, – динамика, нелинейность, наличие реперных (исходных) точек. В сюжете БК эти характеристики реализуются посредством вполне традиционных художественных приемов. Речь идет: а) об инверсии как способе развертки временных смыслов, основанном на нарушении привычного порядка вещей, вплоть до разворота смыслов от конкретного к абстрактному, от бытового к бытийному, б) об антитезе; в) о предметах-символах (вещах-символах), которые имеют непосредственную связь с категорией памяти, создают «ценностное уплотнение мира» вокруг героя [1, с. 22]. В данной статье анализ экспликаций категории память осуществляется на основе главы 1 «В лакейской» (кн. III «Сладострастники»). В центре внимания повествователя находятся события из жизни персонажей второго плана – служебных лиц (Григория Васильевича Кутузова, его жены Марфы Игнатьевны), которые, однако, сыграли значительную роль в жизни всех сыновей Федора Павловича и в истории семьи в целом. Название первой главы отсылает к локусу домашнего закулисья – условному заднему плану дома, где разворачиваются сценарии своих (закулисных) событий, не предназначенные для посторонних глаз, но отголоски которых «слышны» и на переднем плане – в комнатах хозяев. Глава является частью развернутой экспозиции и в силу этого сообщает сведения давних времен, которые носят характер отправной точки в движении сюжета. Они фрагментарны и разнородны, но едины и сплошны как часть устоявшегося общественного мнения обывателей Скотопригоньевска (ср. сходные примеры гл. 1, 2, 3, 4 книги первой «История одной семейки»). Диалоги героев, включенные в экспозиционный контекст, выполняют особую художественную функцию сближения времен, «подтягивания» прошедшего, создания эффекта условного настоящего времени. Такой способ «перетасовки» времен, выделения смысловой доминанты, в полной мере не имеющий рационального объяснения, присущ механизму памяти. Увеличенный мощной линзой внимания повествователя, диалог воспринимается выпукло в однородной речевой структуре рассказа, состоящей из суждений и описаний. В достоевистике в этой связи говорят о драматургичности как о выраженной черте поэтики Ф. М. Достоевского, свидетельство тому «обилие режиссерских, по существу, ремарок, пропуск глаголов говорения, введение масок, марионеток, изображение описываемого действия как театрального, постоянное употребление в этих случаях таких слов, как театр, сцена, кулисы, декорация, антракт, публика, роль и т. д.» [17; 19].

Глава «В лакейской» открывается описанием местоположения, внешнего вида, внутреннего пространства ключевого для сюжета топоса – дома Федора Павловича Карамазова. Все, что повествователь извлекает из собственной памяти о доме Карамазова (факты, слухи, догадки, предположения), а также безыскусность описания формируют житейски-повседневный, обыденный, профанный образ пространства, замкнутого на самом себе. Появление перспективы, расширение смыслов за счет возникновения метафизического и экзистенциального планов

осуществляется в пространстве авторского сознания, которое выявляется внутри дискурса повествователя. Переход к авторскому сознанию и соответственно к смыслам иного (бытийного) уровня происходит, например, через синтаксическую инверсию простого типа, где предикат предшествует подлежащему и открывает предложение: «*Был он [дом. – прим. Е. Б.] довольно ветх...*», «*Много было в нем [в доме. – прим. Е. Б.] разных чуланчиков...*» [10, с. 85]. А. В. Павлова пишет об инверсии как о понятии относительном, которое может как прием иметь разные значения [16, с. 76]. Инверсированность фраз в речи повествователя органична. Это маркер разговорности, присутствующий наряду с другими чертами – удвоением слов, неполнотой предложений, эллиптичностью и пр., назначение которых интенсифицировать изложение, усилить экспрессию. Как фигура речи инверсия в данном случае не предполагает процесса глубокого смыслопорождения и подтекстов. Но когда речь идет о переворачивании перспективы, то «именно приему инверсии, в его кажущейся простоте, свойственно «переключать режим смысла», «как и раз и навсегда установленные явления либо понятия», «от механической перемены мест до полной качественной трансформации» [14, с. 28–29]. Происходит «переворачивание» по вертикали, и на первый план выходят бытийные процессы («*Был он довольно ветх...*»), открывается бесконечная даль и неопределенность мифопоэтического времени и пространства. Местоположение дома в городе раскрывается в формулах, близких к сказочному нарративу: не далеко и не близко, а в середине – «стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине» [10, с. 85]. Однако в рамках одной фразы может быть выявлено сложное сосуществование сознаний повествователя и автора. Эмпирический и метафизический планы находятся в «сложном и органичном переплетении в романах Достоевского» [7, с. 76], поэтому переход незаметен, трудноуловим и сложен для маркировки. Например, в описании внутреннего пространства дома также используется инверсия («*Много было в нем разных чуланчиков, разных прятков и неожиданных лесенок*») [10, с. 85], в ней присутствует еще и отзвук инверсии предыдущего предложения («*Был он ветх...*»), служащей выходом в свободу мифопоэтического универсума, однако ряд диминутивов упрощает повествование, придает ему сниженное звучание и явную разговорную игривость. Происходит резкое (вплоть до карикатурности) сокращение масштабов хронотопа – от бесконечности к дробным, малым, замкнутым локусам (чуланчик, прятки, лесенки). Повествование профанируется в житейскую конкретику, возвращается доминанта сознания повествователя, которая очевидна уже следующем предложении с инверсией разговорного плана: «*Водились в нем крысы, но Федор Павлович на них не вполне сердился...*» [10, с. 85]. Таким образом, цепочка инверсий нарушается тонкой, неочевидной, скрытой иронией автора. Инверсирование и деинверсирование создают эффект смены перспективы в повествовании и являются частью авторской игры.

На сказочный хронотоп наслаивается семейно-идиллический, связанный с топосом «*семейного гнезда*». В соответствии с семейно-идиллической традицией дом Федора Павловича имеет множество черт, характеризующих его как гармоничное пространство, не чуждое «*поэзии счастливого быта*»: «*наружность имел приятную*», «*мог еще простоять очень долго, был поместителен и уютен*», «*был построен на большую семью: и господ, и слуг можно было бы поместить впятеро больше*» [10, с. 85–86]. Вместе с тем описание строится на антитезе «*возможного*» (идиллический образ, замысел) и «*ущербного настоящего*». И реальность «*в момент нашего рассказа о нем*» [10, с. 85] в сближении с семейно-идиллическим образом выглядит предельно оголенной и неприглядной: дом ветх, пуст, в нем водятся крысы, которые «*развлекают*» хозяина дома по вечерам. Реальность «*царства раздора*» [8, с. 175] в случайном семействе вытесняет семейно-идиллический хронотоп. Но этот деструктивный образ не абсолютен. Достоевский уходит от однозначности, и в речи повествователя обнаруживается тяготение к «*положительному полюсу антитезы*» – суждения о возможности «*дления*» жизни, построенные по схемам «*А, но В*», «*Впрочем В*», «*Вообще В*», где А – отрицательная черта, В – положительная: «*Был довольно ветх, но наружность имел приятную...*», «*Впрочем, мог еще простоять очень долго...*», «*Вообще дом был построен на большую семью...*» [10, с. 85].

В модели идиллического времени находится управитель закулисного пространства Григорий Кутузов. Он «*преданно служит*» не столько своему господину, сколько этому образу времени, являясь столпом домашнего уклада и оказывая на барина своей твердостью, честностью и неподкупностью «*влияние неоспоримое*». Правота прежнего уклада жизни для него непререкаема как истина и сохранение верности ей – «*ихний таперича долг*» [10, с. 86].

«– Ты понимаешь ли, что есть долг? – обратился он к Марфе Игнатьевне.

– Про долг я понимаю, Григорий Васильевич, но какой нам тут долг, чтобы нам здесь остаться, того ничего не пойму, – ответила твердо Марфа Игнатьевна.

– И не понимай, а оно так будет. Впредь молчи» [10, с. 86].

В разговоре Григория с женой Марфой Игнатьевной понятие долг получает не столько толкование, сколько оказывается под запретом на обсуждение. Этот внешне малозначительный эпизод выглядит неоправданно подробным, если его содержание рассматривать с точки зрения объяснения, почему Григорий и Марфа остались в доме Карамазова. Однако в ретроспективном просматривании сюжета, когда все события уже произошли и рассказ о них также завершен, вопрос приобретает концептуальный объем. В этом разрезе вопрос Григория начинает восприниматься как эссенциальный – это вопрос о существовании идеального понятия «долг». При этом конкретика ситуации становится совершенно несущественной и отодвигается на задний план как нечто третьестепенное. Важен сам факт постановки вопроса в художественном целом романа, для чего используется драматургический прием введения диалога в сообщение повествователя о прошлом. И практически все герои романа (в том числе эпизодические и не имеющие имени, например, мужики, которые работали на Трифона Борисовича) оказываются вовлечены в систему связей (денежных и нравственных), вопросов и ответов, размышлений, которые формируются материальным и этическим понятием «долг», приобретающим вневременной характер и имеющим тесную связь с категорией памяти (апроприированным памятью). Созданная в контексте «долга» система обязательств и связей актуализируется в текущем настоящем времени и определяет события и судьбы в будущем.

Это своего рода реперная точка идейного содержания романа, которая в рамках сюжета разворачивается в разветвленную систему мотивов. И эта «система причинно-следственных связей столь сложна, что в действительности наш ум в состоянии охватить лишь незначительную часть причин, предшествующих событию, на которое они воздействуют» [5, с. 87]. Р. Л. Бэлнеп отмечает, что талант Достоевского заключается отнюдь не в подробном воспроизведении этой системы через подробное описание, но в создании повествовательной структуры, способной генерировать все потенциальные смыслы, восстанавливать связи между отдельными фактами, разрозненными событиями.

Мотивная развертка смыслов в поэтике романа в целом и в рассматриваемой главе в частности сочетается со своей диалектической противоположностью – со сворачиванием смысловых линий в пространственную структуру образа-символа, который связан с категорией памяти. В главе «В лакейской» таким символом выступают книги. В мире Достоевского предметы существуют преимущественно в развеществленном виде, в данном случае книга входит в сюжет через упоминание названия и метонимично – через действия, связанные с ней (чтение). «По замечанию Марфы Игнатьевны, он [Григорий. – прим. Е. Б.], с самой той могилки, стал по преимуществу заниматься «божественным», читал Четии-Минеи, больше молча и один, каждый раз надевая большие свои серебряные круглые очки» [10, с. 89]. Т. А. Касаткина отмечает, что «упомянутые священные календарные книги (Святцы и Четьи-Минеи), должны определить восприятие читателем дат <...>, играют роль своего рода фокусов, сосредоточившись в/на каждом из которых, читатель имеет возможность увидеть весь роман целостно в определенном ракурсе. Каждый такой фокус будет, помимо прочего, прояснять кажущиеся странными и нелепыми (и даже элементами «плохого стиля») построения фраз в романе» [11, с. 27]. Известно, что другую книгу – Список слов и проповедей «богоносного отца нашего Исаака Сирина» Григорий «добыл откуда-то». В предикате явно делается акцент на применении некоторых усилий (не взял, не принес, не купил), но при этом источник сохраняется в тайне, остается в зоне недосказанного. Начало ритуала чтения книг соотносится с кризисным, пороговым эпизодом в жизни Григория, связанным с рождением и смертью. В мистико-мистерийных переживаниях Григория выделяются два цикла. Первый включает надежду на рождение сына (ему предшествует упоминание о том, что Григорий любил детей и не скрывал этого); рождение шестипалого сына; пережитое от этого факта потрясение, равное смерти («был <...> убит», ребенок «поразил его сердце скорбью и ужасом») [10, с. 88]; отказ от крещения сына и именование его «драконом»; смерть сына. Потрясение было вызвано противоречием между правильной жизнью Григория, «непреложными истинами», которые он сам себе определял и в подлинности которых был уверен, и рождением «шестипалого дракона». Рождение символизирует дар, подарок, «возникает связь с небом», которое, как отмечает С. А. Скуридина, почему-то <...> «подкладывает свинью» [17, с. 93]. Трехдневное молчание Григория, уход в сад и вскапывание грядок представляет собой «материализацию» метафоры «духовного возделывания», в результате которого он «нечто

сообразил». Второй цикл связан с новым «даром», который Григорий получает в день похорон своего сына. Обнаружение новорожденного младенца юродивой Лизаветы Смердящей в inferнальном топосе бани, находящейся в саду дома Карамазова; переживание нового потрясения (остолбенение – омертвление); принятие младенца на воспитание. Отличие второго цикла состоит в смене индивидуального определения «непреложных истин» на поиск истин в «божественных» книгах. «Книга в сюжетном движении открывает возможность выхода в пространство вневременных смыслов, которую герои оказываются способны либо не способны <...> осуществить. Вместе с тем «книга» выступает в функции «предела» (границы), к которому неявно устремлены сюжетные события, предшествующие ее появлению, и от которого начинается отсчет последующих событий...» [3, с. 94–95]. Чтение наделяется некоей охранительной функцией и как ритуал содержит обязательные действия: «Читал Четии-Минеи, больше молча и один, каждый раз надевая большие свои серебряные круглые очки. Редко читывал вслух, разве великим постом. Любил книгу Иова, добыл откуда-то список слов и проповедей «богоносного отца нашего Исаака Сирина», читал его упорно и многолетно, почти ровно ничего не понимал в нем, но за это-то, может быть, наиболее ценил и любил эту книгу» [10, с. 89]. Надевание серебряных круглых очков символизирует отрешение от текущего, но переключение в другую реальность имитируется, поскольку духовные смыслы для Григория остаются закрытыми. В результате «хожений» в духовные пространства свет не появляется, отсюда потребность героя в усилении действий – «стал прислушиваться и вникать в хлыстовщину» [10, с. 89]. История духовных исканий Григория подытоживается сатирически, подчеркивается внешнее преображение героя: «Начетливость «от божественного», разумеется, придавала его физиономии еще пущую важность» [10, с. 89].

Заключение. Категория памяти в силу универсальности связана со всеми аспектами поэтики романа БК и оказывает влияние на их содержание. Каждый художественный элемент состоит из того малого, что «проявлено» в сюжете в условном настоящем времени, и того значительного, что относится к прошлому и апроприировано памятью. Ю. М. Лотман писал о принципе «панхронности» памяти, который «сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [15, с. 201]. Достоевский создает поэтическую структуру, в которой именно «пребывающее», под которым понимается бесконечный континуум смыслов, актуализируется и стремится к самообновлению во всей возможной полноте, формируя целостность художественного текста.

Выводы. Исследование экспликаций памяти в романе БК выявило поэтическую закономерность, которая выражается в диалектическом свертывании и развертывании художественных смыслов в многомерном целом романа. Значительная роль в раскрытии смысловой динамики в контексте проблематики памяти принадлежит таким художественным приемам, как инверсия (которая одновременно с деинверсированием создает эффект смены перспектив в повествовании, выражая авторскую игру); антитеза (напряженность, возникающая при противопоставлении, которая снимается возможностью дальнейшего движения); предмет-символ, выполняющий роль смыслового контрапункта и реперной точки в движении сюжета.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. Изд. 2-е. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Бондарева Л. М. Когнитивный потенциал метафор памяти в текстах немецкоязычных воспоминаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 20–23.
3. Бондарчук Е. М. Книжная топики в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8. № 3 (31). С. 90–107.
4. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур, 2007. 520 с.
5. Бэллнеп Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых» / пер. с англ. СПб. : Академический проект, 1997. 144 с.
6. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 407–492.
7. Воловинская М. В. Драматургизм, сценичность, кинематографичность прозы Достоевского как теоретическая проблема // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 75–82.
8. Галаган Г. Я. «Царство» раздора и слуга Павел Смердяков // Достоевский. Материалы и исследования. Юбилейный сборник. СПб. : Наука, 2001. Т. 16. С. 175–187.
9. Делёз Ж. Логика смысла // Логика смысла. М. Фуко *Theatrum philosophicum*. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. С. 10–437.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского : в 30 т. Т. 14. Кн. I–X. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 511 с.

11. Касаткина Т. А. Книга в книге и книга per se // Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Т. А. Касаткина, К. Корбелла, Т. Г. Магарил-Ильяева, Н. Н. Подосокорский; отв. ред. Т. А. Касаткина. М. : ИМЛИ РАН, 2024. С. 13–31. 392 с.
12. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука, 1991. 204 с.
13. Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.
14. Лисник М. В. Принцип инверсии как концептообразующий фактор // EESJ. Восточно-европейский научный журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-inversii-kak-kontsepttoobrazuyuschiy-faktor> (дата обращения: 08.12.2024).
15. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
16. Павлова А. В. Психолингвистический аспект инверсии // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 73–80.
17. Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж : Научная книга, 2007. 302 с.
18. Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб. : Академический проект, 1999. 344 с.
19. Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 301–359.

The category of memory in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"

Bondarchuk Yelena Mikhailovna

PhD of Philological Science, associate professor, Department of Social Systems and Law, Samara National Research University n. a. academician S. P. Korolev. Russia, Samara. ORCID: 0000-0002-1021-5684.
E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the ways of explication of the problem of memory in the poetics of "The Brothers Karamazov" (hereinafter – BK) by F. M. Dostoevsky. The relevance of the study is due to the fact that the category of memory and the problems associated with it, despite the central position, is a little-explored aspect of the poetics of BK. The subject of the study is the chapter "In the footman's Room" (book III "The Voluptuaries"), which has an expository character, revealing one of the aspects of the prehistory of the novel's events, which is associated with a secondary character – Grigory Kutuzov. The scientific novelty consists in identifying the relationships between the properties of memory and the artistic methods (means) of their expression. The author of the article focuses on the artistic techniques of inversion, antithesis, dialogue (the use of F. M. Dostoevsky's dramatic technique), as well as on subject symbolism, which represent the category of memory and serve as a way of revealing the author's consciousness. It has been established that the poetic regularity, the action of which is expressed in the dialectical folding and unfolding of artistic meanings, is one of the ways of revealing the multidimensionality of the poetics of the novel BK. The results of the research can be used in a special course devoted to the study of the works of F.M. Dostoevsky, in higher educational institutions, as well as in the analysis of artistic texts with complex poetics.

Keywords: inversion, antithesis, symbolic object, book, memory, poetics, sacred, profane.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity] // ed. by S. G. Bocharov. 2nd ed. M., Iskustvo (Art). 1986. 445 p.
2. Bondareva L. M. *Kognitivnyj potencial metafor pamjati v tekstah nemeckojazychnyh vospominanij* [The Cognitive Potential of Memory Metaphors in German-Language Memoir Texts] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov, Gramota, 2019. Vol. 12. Is. 4. Pp. 20–23.
3. Bondarchuk E. M. *Knizhnaja topika v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ja Karamazovy"* [Book Topics in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates. 2022. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 90–107.
4. Bragina N. G. *Pamjat' v jazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. M., *Jazyki slavjanskih kul'tur* – Languages of Slavic cultures, 2007. 520 p.
5. Bjelnepe R. L. *Struktura "Brat'ev Karamazovyh"* [The structure of The Brothers Karamazov] / trans. from English. SPb., Akademicheskij proekt (Academic Project), 1997. 144 p.
6. Vitgenshteyn L. *Kul'tura i tsennost'* [Culture and Value] // *Filosofskiye raboty* – Philosophical Works. Part 1. M., Gnozis, 1994. Pp. 407–492.

7. Volovinskaja M. V. *Dramaturgizm, scenichnost', kinematografichnost' prozy Dostoevskogo kak teoreticheskaja problema* [Drama, theatrical quality, cinematography of Dostoevsky's prose as a theoretical problem] // *Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija* – Humanitarian studies. History and philology. 2023. No. 9. Pp. 75–82.
8. Galagan G. Ja. *"Carstvo" razdora i sluga Pavel Smerdyakov* ["The Kingdom" of Discord and the Servant Pavel Smerdyakov] // *Dostoevskij. Materialy i issledovanija. Jubilejnyj sbornik* – Dostoevsky. Materials and Research. Anniversary Collection. SPb., Nauka (Science), 2001. Vol. 16. Pp. 175–187.
9. Deloz Z. H. *Logika smysla* [The logic of meaning] // *Fuko M. Theatrum philosophicum* [Theatrum philosophicum]. M., Raritet (Rarity); Yekaterinburg, Delovaya kniga (Business book), 1998. Pp. 10–437.
10. Dostoevskij F. M. *Brat'ja Karamazovy: roman* ["The Brothers Karamazov": a novel] / F. M. Dostoevskij. *Polnoe sobranie sochinenij F. M. Dostoevskogo v 30-ti tomah* – F. M. Dostoevsky. Complete Works of F. M. Dostoevsky in 30 vols.]. Vol. 14. Books I–X. L., Nauka (Science), Leningrad branch. 1976. 511 p.
11. Kasatkina T. A. *Kniga v knige i kniga per se* [A book within a book and a book per se] // *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* – Books in a book. The role and image of the book in the novel by F. M. Dostoevsky "Idiot" / Kasatkina T. A., Korbella K., Magaril-Il'jaeva T. G., Podosokorskij N. N. M., IMLI RAN, 2024. Pp. 13–31.
12. Kubrjakova E. S. *Ob odnom fragmente konceptual'nogo analiza slova pamjat'* [On one fragment of conceptual analysis of the word memory] // *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* – Logical analysis of language. Cultural concepts. M., Nauka (Science), 1991. 204 p.
13. Larkovich D. V. G. R. *Derzhavin i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya: monografija* [G. R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of individual author's consciousness: monograph]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, 2011. 344 p.
14. Lisnik M. V. *Princip inversii kak konceptoobrazujushhij faktor* [The principle of inversion as a concept-forming factor] // *EESJ. Vostochno-evropejskij nauchnyj zhurnal* – EESJ. East European Scientific Journal. 2015. No. 3. Pp. 27–32.
15. Lotman Ju. M. *Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii* [Memory in cultural studies] // *Izbrannye stat'i* – Selected articles. Vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 200–202.
16. Pavlova A. V. *Psiholingvisticheskij aspekt inversii* [Psycholinguistic aspect of inversion] // *Voprosy psiholingvistiki* – Questions of psycholinguistics. 2006. No. 4. Pp. 73–80.
17. Skuridina S. A. *Pojetika imeni u F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov "Podrostok" i "Brat'ja Karamazovy")* [Poetics of the name in F. M. Dostoevsky (based on the novels "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov")]. Voronezh, Nauchnaja kniga (Scientific book), 2007. 302 p.
18. Tompson D. Je. *"Brat'ja Karamazovy" i pojetika pamjati* ["The Brothers Karamazov" and the poetics of memory]. SPb., Akademicheskij proekt (Academic project), 1999. 344 p.
19. Toporov V. N. *Pojetika Dostoevskogo i arhaichnye shemy mifologicheskogo myshlenija ("Prestuplenie i nakazanie")* [Poetics of Dostoevsky and archaic schemes of mythological thinking ("Crime and Punishment")] // *Problemy pojetiki i istorii literatury* – Problems of poetics and history of literature. Saransk, 1973. Pp. 301–359.

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Принята к публикации: 24.02.2025